

УДК 930.85+821.161.1

Т.Ф. ВОЛКОВА

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПЕЧОРСКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ (НА МАТЕРИАЛЕ УСТНЫХ РАССКАЗОВ УСТЬ-ЦИЛЕМСКИХ КРЕСТЬЯН)

Сыктывкарский государственный университет
e-mail: volkovatt777@gmail.com

В статье на материале записей исторической устной прозы печорских крестьян, сделанных в ходе экспедиций на Нижнюю Печору и хранящихся в фольклорном архиве Сыктывкарского университета, прослеживаются представления печорских старообрядцев о значимых событиях церковного раскола и взаимоотношениях его ведущих деятелей, определяется характер интерпретации информантами некоторых эсхатологических идей. Такого рода источники позволяют охарактеризовать менталитет и исторические представления печорских крестьян, сохранившийся в народной памяти образ протопопы Аввакума, крестьянский взгляд на события осады Соловецкого монастыря, представления печорцев о Страшном суде.

Ключевые слова: старообрядческие центры традиционной и книжной культуры, Нижняя Печора, народная эсхатология, устные рассказы крестьян.

Устные источники по разным областям научного знания в последние десятилетия все больше привлекают внимание исследователей, чему в немалой степени способствовала обобщающая монография П. Томпсона [1], в которой собран огромный материал, показывающий значение этого вида источников и в точных, и в гуманитарных науках. В сфере исторического знания использование устных источников привело к появлению понятия «устная история», прочно вошедшего сегодня в гуманитарные исследования.

В свете такого подхода особое значение приобретает одна из интереснейших проблем в изучении северных старообрядческих центров книжной и традиционной народной культуры – проблема взаимодействия двух традиций – письменной, книжной, связанной со средневековой книжной культурой, и устно-поэтической, народной. Уникальным центром, где старообрядческая книжная культура органично сосуществовала с богатой фольклорной традицией, является наряду с другими район Нижней Печоры.

Среди материалов Фольклорного архива Сыктывкарского университета, записанных в этом районе в 1980-х – начале 1990-х гг., особое место занимают записи, которые можно отнести к разряду исторической прозы. Они представляют интерес для характеристики культурной памяти усть-цилемских старообрядцев, их отношения к средневековой литературе, их знаний по истории старообрядчества, представлений о первых идейных вождях старообрядцев и их гонителях. Всего на данный момент в составе усть-цилемского фонда выделено более 230 текстов исторической прозы.

Задача нашей публикации – охарактеризовать некоторые материалы Фольклорного архива СыктГУ (далее – ФА), они привлекли автора статьи еще в ходе работы над «Словарем книжников Нижней Печоры» [2, с. 116–122]. В поисках дополнительного материала о

хранителях и создателях усть-цилемской рукописной традиции мы обратились к фонду усть-цилемских записей, сделанных фольклористами Сыктывкарского университета в течение ряда экспедиций на Печору. Работа с этими материалами позволила выделить ряд записей, относящихся к разряду исторической прозы. Они уже стали предметом изучения Т.С. Каневой, которая выполнила их первоначальную жанровую классификацию, составила указатель текстов, исследовала круг преданий о местночтимом святом Иване – обитателе местного старообрядческого скита на р. Тобыш, притоке Цильмы [3, с. 102–108; 4, с. 157–162]. Мы продолжили изучение этих материалов под интересующим нас углом зрения и представляем некоторые итоги проделанной работы.

Особую группу среди рассматриваемых источников составляют рассказы, представляющие собой пересказ различных литературных сюжетов (библейских – ветхо- и новозаветных, житийных, апокрифических, эсхатологических). В настоящее время нами выделено десять сюжетов, некоторые из них анализируются ниже¹. Все рассказы хранятся в записях на магнитных носителях, как правило, они окружены разнообразным фольклорным материалом. Освещаются разные грани духовной жизни информантов – печорских старообрядцев: история их семьи, воспоминания о свадебных ритуалах, игровых и хороводных песнях, христианских праздниках, пересказ быличек и топонимических легенд.

Отобранные нами рассказы печорских крестьян, связанные с историческими и литературными сюжетами, тематически подразделяются на две группы: рассказы по истории старообрядческого движения и рассказы эсхатологического содержания.

¹ О не вошедших в данную публикацию материалах см.: [5, с. 303–310].

Группа записей, связанных с историей старообрядчества, включает рассказы об Аввакуме, о патриархе Никоне и их взаимоотношениях [6, с. 20–23] и рассказ об осаде Соловецкого монастыря, где «затворились» сторонники старой веры, войсками царя Алексея Михайловича.

В биографии Аввакума печорских старообрядцев привлекала прежде всего последняя ее страница, связанная с пребыванием Аввакума в Пустозерске, хорошо знакомом жителям Усть-Цилемского края. О сибирском и московском же периодах его жизни печорские рассказчики-старообрядцы практически ничего не знают, во всяком случае – не рассказывают.

Усть-цилемцев поразило писательское трудолюбие Аввакума. Они акцентируют внимание на тяжелых бытовых условиях, в которых Аввакум создавал свои произведения. Так, В.Т. Вокуев, племянник известного печорского сказителя Г.В. Вокуева, унаследовавший от него и часть его библиотеки старинных книг [7, с. 279–288], рассказывает со слов 80-летней старушки Аграфены, содержавшей в 1940-х гг. в Пустозерске нечто вроде гостиницы для приезжих: «Когда он помер, зашли, а у его столько было написано, что это просто все ужаснулись: с такой темноты и сидел писал!» За этим следуют размышления уже самого Василия Трифоновича, склонного к рационализму: «Видимо, какие-то плоски, жировики ле что ле давали, не совсем же тёмно сидел». Далее тема непрерывного писательского труда Аввакума развивается: «Никуда не выводили его. Что-то питался сколько-то в день. Все это время писал». А в конце рассказа содержится и краткая оценка написанного Аввакумом: «Когда прочитали, все было хорошее, дельное, умное». В этом же рассказе, восходящем к вышеупомянутой Аграфене, содержится и совершенно оригинальная трактовка обстоятельств появления Аввакума в Пустозерске. Согласно версии «бабы Груни» (как называли Аграфену все приезжавшие к ней), Аввакум «сам пришел туда. Пришел в Пустозерск добровольно жить, сам. А потом уже его в землянку посадили. Где-то слухи дошли, что ли». При этом до ареста Аввакум, по рассказу Аграфены, «не только здесь (в Пустозерске) проповедовал, приходилось уходить» («нелегально как бы жил», – комментирует Василий Трифонович). Про союзников Аввакума здесь не говорится, напротив, подчеркивается, что Аввакум «один пришел» и «один сидел»².

В других рассказах печорских крестьян подчеркивается нестигаемость Аввакума-борца, который и в заключении продолжал бороться за свои убеждения: «И все еще боролся, призывал народа, чтобы боролся против никонианской веры»³.

Особый рассказ посвящен взаимоотношениям Аввакума и Никона. Главный мотив, проходящий через весь этот рассказ, – изначальная дружба двух земляков, обернувшаяся смертельной враждой: «Они же два друга росли, рядом деревни – этот протопоп-то Аввакум». Оба «друзья» приглянулись царю: «Царь

посмотрел на этих ребят, понял, что они очень умные: Никон-патриарх и Аввакум-протопоп. Вот он подобрал к себе». Далее, по рассказу Марфы Павловны, сразу обнаружилось их различие: Аввакум, «конечно, потверже был», а Никон «прельстился к царю» и «начал ему нашептывать, что очень уж строгие законы у старой веры, давай немножичко уменьшим, книги изменим... Царь ему пошел навстречу». Протопопу Аввакуму «это очень не понравилось», в результате – его изгнали в Пустозерск⁴. Далее в рассказе ощущаются отголоски сюжета Жития Аввакума, повествующего о второй казни в Пустозерске его союзников, предшествовавшей их общему сожжению, причем действия палачей отнесены и к самому Аввакуму: «И тут же ведь над ним очень издевались. И глаза выкололи, и уши обрезали, и носы обрезали. И потом их сожгли». В рассказе об огненной казни пустозерских сидельцев приводятся и последние слова Аввакума, которые он будто бы выкрикнул перед смертью: «Будь проклят, Никон-патриарх!», прокомментированные рассказчицей так: «А ведь был друг его!».

Из рассказов о Никоне выделим два. Один, совсем короткий, любопытен трактовкой личности Никона: «Он не святой. Он писателем был, Никон-патриарх. Писателям было, как святым, доверие большое». Но дальше, по рассказу, произошла беда: «писал, дак вот шишко смутил...» В результате Никон «киз веры погонил»⁵. Эта тема вмешательства бесовских сил в судьбу Никона сюжетно развернута в другом рассказе, записанном в с. Замезное от Андреевой Агафьи Калиничны. В экспозиции рассказа указывается источник его сюжета – стих, который рассказчику «мати читала». Первая часть рассказа описывает совещание у сатаны, на котором один бес жалуется на то, что за три года не смог смутить русский народ, а другой решается выполнить эту задачу. Сатана указывает ему, с кого надо начать: «Там есть патриарх в Москве... мордвин белобородый – вот тот всё перевернет». Вторая часть рассказа рисует последствия бесовского воздействия на Никона – «смутившись» сам, он отправляется «смущать» царя: «Так и так, надо все эти книги закопать, все образа переделать. Это все устарело, и надо все ново». Первоначальная реакция царя рисуется как резко отрицательная: «Нельзя этого делать. Что ты! Что ты!» Однако Никон «раз пошел, два пошел, на третий раз (царь) и согласился... Никон-патриарх и царя смутил»⁶.

Таким образом, в усть-цилемских преданиях о личностях, стоявших у истоков раскола церкви, нашли отражение и письменные источники («Житие» Аввакума, духовные стихи), и устная традиция, в которой по-своему преломляются и осмысляются известные факты жизненной судьбы Аввакума и Никона.

К этой же группе рассказов по истории старообрядчества можно отнести и рассказ о падении

² ФА СыктГУ. УЦ 0357-51-53.

³ Там же. УЦ 0342-36 (Носов Фрол Федорович, дер. Филипповская).

⁴ ФА СыктГУ. УЦ 0368-75 (Дуркина Марфа Павловна, дер. Новый Бор).

⁵ Там же. УЦ 0350-5 (Носова Агафья Степановна, с. Трусово).

⁶ Там же. УЦ 0355-66.

Соловецкого монастыря⁷, записанный от упомянутой выше А.К. Андреевой. Многолетняя осада Соловецкого монастыря (1668–1676 гг.), иноки которого не поддержали церковную реформу Никона – Алексея Михайловича, нашла отражение в целом ряде документальных и художественных памятников письменности и многочисленных устных рассказах. Среди них – отклики старообрядческих писателей Аввакума, Игнатия Соловецкого, сочинение одного из основателей Выголексинского общежития Семена Денисова «История о отцах и страдальцах Соловецких», написанная в начале XVIII в. [8, с. 318–325; 9, с. 332–335; 10, с. 155–191; 11, с. 92–114; 12], духовный стих о разорении Соловецкого монастыря «Что во славном было царстве во Московском государстве».

В рассказе, записанном от Агафьи Калиничны, освещаются только события трагического для защитников старой веры финала осады. Некоторые сюжетные мотивы рассказа совпадают и с историческими источниками, и с названными выше литературными произведениями. К ним относятся мотив предательства в рядах осажденных, вследствие чего осаждающие монастырь посланцы царя смогли проникнуть за крепостные стены, и мотив внезапной болезни, а затем и смерти Алексея Михайловича, что все старообрядческие писатели, затрагивавшие тему «соловецкого сидения», непосредственно связывали с распоряжением царя о взятии взбунтовавшегося монастыря. Вот как об этом рассказала Агафья Калинична: «...Едет этот в Онегу, гонщики едут, военны. На конях тогда ездили, поезда ишо не ходили, давно-то. А там служители-те говорят: “Три часа кто не будет служить, вставайте, служите. Вставайте!” Он и разбудил всех. Раз, да два, да и все будит. Стали служить. Пономарь пришел, который колокола-те звонит. Говорит: “Едут не то служить, не то воевать, не то разорять. Едут. Слышу с колокольни. На лошадях множество едут, на конях. И вооружены”. Они слушат. Те приехали, сказали: “Заприте ворота, не запускайте их”. А какой-ле предатель запустил. Они и начали их тут: “Перейдите на нашу сторону!” Они не переходят служители никто. Кто перешли там из простых, может, тех не убивали. А которы не переходят, всех поубивали, служителей всех. И на лед пометали зимой. И едут обратно. Царь забоялся, послал гонщика: “Не разорять!” Сильно заболел. Гонщик приехал, говорит: “Уже обратно едут”. Царь умер, тут же умер. “Едут, – говорит, – уже разорили!”⁸.

Ряд сюжетных мотивов и деталей повествования в данном рассказе, скорее всего, восходит к духовному стиху о разорении Соловецкого монастыря, который, как указала Л.А. Петрова, бытовал на Нижней Печоре [13, с. 94]. К числу таких мотивов можно отнести описание Белого моря, по которому «долго не могли корабли ходить», так как оно не могло растаять из-за вмержших в лед многочисленных трупов: «То море-то Бело, долго стояло, на Белом-то море долго не могли

корабли ходить, не тает. Потому что там трупы лежат. И кто-то подсказал: “Трупы вывезите на берег. Захороните”. Вишь, на острове этот монастырь-то был, на островку. Вывезите и захороните трупы, и лед-то растает, корабли пойдут»⁹.

Отметим, что в сознании рассказчицы история разорения Соловецкого монастыря перекликалась с историей разорения местного – пижемского – Великопоженского скита, закончившаяся знаменитой «гарью» 1743 г. [14, с. 10–11, 167–195; 15, с. 45–52]. Описав Соловецкий монастырь и место его нахождения («четыре километра что ли от Онеги»), рассказчица сообщает о том, что царь «послал... гонщиков монастырь разорять». И далее продолжает: «Вот и ехали тут разорить-то монастырь, на оленях-то, сюда-то, в Скитску»¹⁰. Одновременно везде царь объявил разорить монастыри все»¹¹.

Среди рассказов, объединенных эсхатологической тематикой, которая пользовалась особой популярностью в старообрядческой среде [16], отметим в первую очередь рассказ А.Р. Носовой о том, кто попадает в рай, а кто – в ад, и что там происходит (записан зимой 1990 г.). Условия попадания в эти два сакральных пространства определены рассказчицей вполне традиционно: «Там уж кто в рай попадут, те уж безгрешны души, а кто с грехами, пьяницы да, воры да, те в ад попадут». Обстановка в раю описана также в традиционных мотивах: «там всё уж будет хорошо, всё готово да баско да светло да сады да». При описании адских мук центральным становится образ котла, в котором варятся грешники: «Тех будут варить в котле, в огне. Варят, варят, переварят да опеть». Заканчивается рассказ резюме, в котором отразились представления о ограниченности долготерпения Божьего только земными пределами жизни человека: «И не будет им никакого прощения. Господь ведь терпит до конца, а мучить будет без конца»¹².

В другом рассказе, записанном от того же информанта в 1990 г., перечисляются признаки приближения конца света: появление на востоке огненного «столба», который «всех поалит», сбор людей из семи городов в один город. Довольно оригинально здесь описаны следствия Божественного гнева: «Мужчин вообще не будет, что мужчины скорее все погинут, женщины останутся», но участь их будет трагической – их ожидает массовое помешательство: «До того дойдут женщины, что если увидят медвежий след, то это не мой ли мужик прошел? – В общем, будут с ума сходить»¹³.

Упомянем и о другом сюжете, записанном от А.К. Андреевой в 1987 г. В этом рассказе с наибольшей полнотой преломились апокалипсические мотивы Откровения Иоанна Богослова в сочетании с народными представлениями о том, какая участь ждет тех, кто при

⁷ ФА СыктГУ. УЦ 0355–67 (Андреева Агафья Калинична, с. Замежное).

⁸ Там же.

⁹ ФА СыктГУ. УЦ 0355–67.

¹⁰ Деревня Скитская образовалась на месте закрытого в 1854 г. Великопоженского скита.

¹¹ ФА СыктГУ. УЦ 0355–67.

¹² Там же. УЦ 03110-52 (Носова Акулина Родионовна, с. Трусово).

¹³ ФА СыктГУ. УЦ 03110-51.

жизни знался с бесами. Эти люди в рассказе названы «чародеями», причем такое определение будет, по словам рассказчицы, обозначено у них на груди «белыми буквами». В рассказе о Страшном суде присутствуют и «огненная река», и «шестокрылы ангелы небесны», которые в эту реку «всех сосвищут чародеев», и труба, возвещающая начало суда, и «небесная сила», стоящая «на воздухе» и облеченная в разноцветные одеяния. Подробно описывает рассказчица и порядок прохождения перед взором Судии – Христа всех групп присутствующих на последнем суде: «Перва Богородица пойдет, апостолы пойдут, и все святильники пойдут в гору по лестнице подниматься». Находится место в этой процессии и простым людям, не обремененным грехами: «А нас за добры дела дак тоже пойдём взади в гору». Заканчивается рассказ описанием земли после Страшного суда: «И земля будет как плита гладка, потому что лесу не будет и ниче не будет, ни воды». Особо подчеркивается перенаселенность земли после воскресения мертвых: «И то тесно стоять боком, не повернешься. Эти все будут живы, которы умерли. Умирили-то много. Все будут живы, дак тесно будет на земли-то»¹⁴.

Рассмотренные нами сюжеты устных рассказов печорских крестьян свидетельствуют об их глубоком интересе и к истории старообрядческого движения, и к эсхатологическим идеям, имеющим в старообрядческой среде особое значение. В них отразились живой ум, наблюдательность усть-цилемов, желание осмыслить прочитанное в рукописных сборниках и дошедшее в устной традиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Томпсон П. Голос прошлого. Устная история. М., 2003.
2. Волкова Т.Ф. «Словарь книжников Печоры» (задачи и проблемы издания) // Мир старообрядчества : сб. науч. тр. М., 1998. Вып. 4: Живые традиции: результаты и перспективы комплексных исследований русского старообрядчества. Материалы Междунар. науч. конф. (МГУ, 21–24 ноября 1995 г.).
3. Канева Т.С. Церковный летописец и устная историческая проза Усть-Цильмы // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Сыктывкар, 1996. Т. 2.
4. Канева Т.С. К вопросу о специфике усть-цилемской фольклорной традиции // Рябининские чтения-95 : сб. докладов Междунар. науч. конф. Петрозаводск, 1997.
5. Волкова Т.Ф. Литературные и исторические сюжеты в устной интерпретации печорских крестьян // Старообрядчество. История. Культура. Современность : Материалы. М., 2000.
6. Волкова Т.Ф. Усть-цилемские предания о протопопе Аввакуме и патриархе Никоне. (По материалам фольклорного архива Проблемной лаборатории Сыктывкарского университета) // V Уральские археогр. чтения : к 25-летию Уральской объедин. археогр. экспедиции: тез. докл. науч. конф. (Екатеринбург, 14–16 октября 1998 г.). Екатеринбург, 1998.
7. Волкова Т.Ф. Эсхатологические сочинения в кругу чтения Печорских крестьян // Мир старообрядчества. История и современность. М., 1999. Вып. 5.
8. Демкова Н.С. Из истории ранней старообрядческой литературы. IV. «Исповедание» Игнатия Соловецкого (1682 г.) и отклики современников на разгром Соловецкого монастыря царскими войсками в 1676 г. // Труды отдела древнерусской литературы. Л., 1983. Т. 37.
9. Поньрко Н.В. Семен Денисов Вторушин // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1998. Вып. 3: XVII в. Ч. 3: П–С.
10. Повесть об осаде Соловецкого монастыря / подгот. текста и ком. Н.В. Поньрко, Е.М. Юхименко // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. 1.
11. Бубнов Н.Ю. Неизвестная челобитная дьякона Игнатия Соловецкого царю Федору Алексеевичу // Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972.
12. Памятники старообрядческой письменности / подгот. текстов Н.Ю. Бубнова, Н.С. Демковой, О.В. Чумичевой. СПб., 1998.
13. Петрова Л.А. Духовные стихи в усть-цилемской рукописной традиции // Устные и письменные традиции в духовной культуре Севера. Сыктывкар, 1989.
14. Мальшев В.И. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI–XX вв. Сыктывкар, 1960.
15. Пармонова Т.Б. Бегство на Великие пожни // Родники Пармы : науч.-попул. сб. Сыктывкар, 1993.
16. Гурьянова Н.С. Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма. Новосибирск, 1988.

¹⁴ Там же. УЦ 0355-63-65.